

— Собственно, что нужно для этого сделать... — потирая слипающиеся веки заговорил Фан Линь.

Сделать нужно было следующее: для достижения Нулевой стадии культивации, Первого Касания, следовало совершить два шага. Первый был довольно простым и состоял из одной только мантры. Мантрой называлась особая техника, с помощью которой культивировали Духовное Сознание. Когда оно становилось достаточно крепким и упитанным, в душе воина открывалось особое пространство, где и находилось его Звёздное Колесо, или Колесо Дао, или Колесо Звёздного Дао... Всё это валидные названия.

Затем колесо следовало пустить в движение. А для этого требовалось уловить, так сказать, течение Дао. Обрести Озарение. И тут уже стоял вопрос не столько времени и усердия, сколько именно удачи и таланта, потому что первую фазу пройти мог почти каждый, была бы только мантра, — кроме некоторых обладателей звериной родословной, у которых голова была хоть и просторной, но душа настолько мелкой, что даже мантра не помогала, — но вот второй этап, вылавливание Дао, был намного сложнее.

Ведь у каждого человека была предрасположенность к своему Дао. Некоторые, например, обретали его во время игры в вэйци, или рисуя, или занимаясь каллиграфией, или даже просто сидя в павильоне и любуюсь небесными телесами; Дао было подобно вдохновению — кто знает, когда его словишь, но если уж словишь... От него, говорят, зависит вся твоя судьба.

— Но это так, теория, — заметил, зевая, Фан Линь.

Было множество мнений на этот счёт. Самые распространённые из них, полярные разумеется, даже получили названия: Школа Небесного Пути и Школа Истинных Бессмертных. Школы не в том смысле, что это были прямо фракции, но скорее, как определённые идеологии. Первые считали, что Дао — это путь, которому культиватор следует, поворачивая на каждом его изгибе, как смиренный паломник; другие же наоборот утверждали, что Истинный Бессмертный обязан силой завладеть небесным Дао, взять его в свои руки... Между приверженцами разных Школ велись ожесточённые споры.

Сам Фан Линь предпочитал не принимать в них участия. Он не был рьяным приверженцем ни одной идеологии, в основном потому, что ему всегда было всё равно на что там думают другие; его никогда не забавляло переубеждать других людей просто ради самого процесса. Хотя чисто индивидуально он придерживался мнения, что Дао — это всё-таки инструмент. Что культивация — это инструмент, а не сама цель.

— Мастер, можно... задать вам вопрос? — неловко спросила Мая.

— Валяй.

— Вы правда... сразу были на Нулевой Стадии? — глаза девочки загорелись.

— В смысле что я на ней родился?... Нет, это миф.

— Значит вы нашли своё Дао, когда сражались против злодеев? — её голос приподнялся.

— Нет.

— Дао, — её голос задрожал. — Вас нашло «само»?

— Тоже мимо; ты где всего этого набралась?

— Я... — Мая смущённо опустила голову и отвела глазки:

— Читала про вас... У меня полная коллекция всех ваших биографий, — девочка сжала коленки.

— Полная в смысле все тома? Их так много?

— Нет, — мотнула головой. — Все варианты. От всех издательств... — сказала она одновременно и смущённо, и как-то гордо.

— ...Даже так? — мужчина задумался и вдруг улыбнулся. — А хочешь, поделюсь кое-чем, чего не сказано ни в одной моей биографии?

Мая похлопала глазками, огляделась почему-то, хотя их никто не слушал, и сделала маленький кивок. Фан Линь улыбнулся, махнул

девочке, чтобы она наклонила к нему ушко, занёс над ним губы и вдруг рявкнул:

— Все они брехня!

Мая вздрогнула, отстранилась и чуть не свалилась на спину. А мужчина закашлял, — видать слишком резко поднял голос.

— Кхе... Так это из-за этих бредней ты ко мне пристала? Тц; знал бы, поднялся с дивана и засудил жульё... — с раздражением поморщился Фан Линь. Дело, правда, было не совсем таким простым, чтобы просто судиться. По факту его все считали мёртвым, а потому, даже если бы у мужчины было желание сидеть в душном зале суда, среди парящей в лучах солнца пыли, даже попасть туда было бы затруднительно. Он мог бы, конечно, воспользоваться связями в правительстве, чтобы Бюро Цензуры прикрыло все эти лавочки, но мужчина не хотел лишний раз видеть своих старых знакомых. Это всегда было немного неловко — терпеть их полное сожаление взгляды...

Линь Фан предпочитал держаться подальше от своей прежней жизни.

Единственный раз, когда мужчина пошёл против этого принципа, был когда он прознал, что кто-то продаёт так называемую «воду из его ванной», заявляя, что она якобы положительно сказывается на культивации. Тогда уж он не выдержал и потрудился, чтобы эти пройдохи сели за решётку и оплатили штраф. Ему в карман.

— И ведь кто-то покупал эту дрянь, — проговорил Фан Линь под конец своей животрепещущей истории, а Мая низко-низко опустила голову и покосилась в сторонку...

— Но вообще одна твоя теория была близкой, — перевёл тему назад мужчина. — Я не помню своего Дао.

— Не помните? — Мая округлила глаза.

— Не-а; я как-то нашёл копясь в мусоре книжку, с мантрой, ну и прочитал. Вернее, попросил одного знакомого прочитать для меня, сам я читать тогда не умел. Потом собственно культивировал мантру, долго, как упёртый осёл. Открыл колесо, а Дао само нашлось, я даже не заметил.

На самом деле эпизод это был довольно грустный, хотя с вышины лет достаточно забавный.

Фан Линь тогда думал, что нашёл самую всамделишную технику культивации, возможно даже древнюю и драгоценную, потому что разумеется всё самое ценное валяется в мусоре — чему только не учат сказки — и первое время «культивации» он, тогда ещё юноша, был на девятом небе от своих успехов. В какой-то момент, повторяя мантру по девять часов в день, он обнаружил, что действительно стал немного здоровее.

Но потом начался затык. Силы Фан Линя, после первичного всплеска, больше не росли. Позже он понял, что это потому что мантра помогала только с Нулевой стадией, но тогда юноша этого ещё не знал. Он подумал на так называемый «предел» в культивации, о котором тоже слышал из рассказов, и который в них пробивали усердием.

Тогда Фан Линь начал культивировать по двадцать часов в день, по двадцать два часа — он весь исхудал, почти не спал, тратил драгоценные часы, в которые обычно выходил на охоту... Юноша бы совсем себя угробил, если бы однажды не потерял сознание от слабости прямо во время очередной сессии, и не понял, что так дальше нельзя.

На следующий день он выбросил книжку и смиренно пошёл лазить в поисках еды.

Это был самый первый раз, когда у Фан Линя разбились надежды. Он пережил тот случай настолько болезненно, насколько это возможно. Но потом с неба свалилась звезда, и надежда воссияла снова на целых три года...

«Второй раз, видимо, будет последним», — проговорил про себя мужчина. Воспоминания о былом счастье, о крахе, который закончился надеждой и светом, лишь для того, чтобы затем померкнуть снова, навсегда, мужчина невольно поддался меланхолии: он ощутил слабость всего своего тела, сонливость; почувствовал, как мерзнет его геморрой, прижатый к холодному полу... Мужчина вздохнул.

— ...Вот тебе мантра: делай девять вдохов, ровно, но не считая, и обращай внимание на потоки воздуха вдоль глотки. Ничего сложно. Ну всё, культивируя, а я пойду посплю — сказал он и поднялся на ноги. — И ты кстати тоже вздремни.

Мая взглянула на него с растерянным беспокойством, кивнула и приобняла своё плечо. Фан Линь посмотрел на неё, приснул и вдруг спросил:

— А где тут туалет, кстати?

Девочка растерялась, смутилась и показала пальцем направо.

— Ясно, благодарю, — мужчина пошёл в уборную, и Мая отвернулась. Но вдруг он опять обернулся к ней:

— И ещё; вот тебе дополнительный урок. Если не хочешь страдать от геморроя — всегда подмывайся холодной, а лучше ледяной водой, ясно? Всё, иди культивируй мантру.

Девочка стала пунцовой и быстро закивала.

— ...Ну и последний совет, раз уж я так разговорился, — мужчина покосился в угол контейнера, в котором их перевозили. Там всё ещё сидел, но уже не играя, а давая отдых пальцам, старик над старой цитрой.

— Ты вроде не глухая, поэтому сомневаюсь, что ты там концерт слушала; хочешь поиграть? — спросил Фан Линь.

Когда он только проснулся, девочка сидела возле «музыканта» и как будто слушала его игру. Но на самом деле потом, по её взгляду мужчина понял, что Мая засматривалась на саму цитру. Дети всегда так делают, когда стесняются что-нибудь попросить: они просто смотрят на желанную игрушку на витрине, пристально-пристально, и надеются, чтобы родители это заметили.

И действительно, ответ ребёнка был категоричен:

— Нет, нет я не... Я... Мне и так хорошо, я не хочу беспокоить... — стала она отнекиваться.

— Не хочешь беспокоить? серьёзно? Это ты мне говоришь? — Фан Линь прищурился и приснул:

— Значит великому гению докучать можно, а старому бездарю — нет?

Мая отвернулась в пол.

— Иди, не стесняйся. А если откажет, можешь поплакать, — тогда он точно согласится, — сказал Фан Линь с лёгкой издёвкой. Мая замаялась, но всё же кивнула. Она поднялась и побрела на ватных ногах к старику. Мужчина же сделал свои дела в уборной и вернулся к своему гнезду. Залезая в него, Фан Линь поглядывал на старика. Тот говорил с девочкой, и та просила его о чём-то. Потом он уступил своё место, и Мая неуверенно присела за цитру.

Фан Линь залез и прикрыл глаза.

А спустя пару секунд зазвучала, тихо, как капли дождя под водой, музыка; сперва неуверенная, лёгкая мелодия, как будто ветер игрался по струнам — потом сильнее, но тоже нежно, словно нежные длинные пальцы ощупывали одну струну за другой, как врач сперва ощупывает пациента вопросами... Мужчина слушал музыку и плавал на её волнах. Потом он приподнял взгляд и увидел девушку в голубом за цитрой, в павильоне на берегу озера, с лицом, спрятанным вуалью. Девушка улыбнулась, и Фан Линь понял, что спит; он тихо, как только мог, чтобы не нарушить сновидение, вздохнул.

<http://tl.rulate.ru/book/52126/1351828>